

УДК 398.22(=)161.1

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ВОЛОГОДСКИХ ГОВОРАХ КАК СРЕДСТВО ЭКСПЛИКАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА СЕВЕРНОРУССКОГО КРЕСТЬЯНИНА

Крылова А.Б.

*Вологодский государственный педагогический университет,
г. Вологда, Россия*

Статья посвящена рассмотрению семантико-словообразовательных особенностей собирательных существительных как средства экспликации языковой картины мира севернорусского крестьянина.

Ключевые слова: картина мира, словообразовательная семантика, категория собирательности, русская диалектология

Постановка проблемы. Феномен языковой картины мира, широко изучаемый в отечественном и зарубежном языкознании (исследования Э. Сепира, Б. Уорфа, Л. Вайсгербера Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, Е.С. Кубряковой, Т. И. Вендиной), предполагает целую систему средств выражения. Важное место в этой системе занимает производное слово – вторичный по форме и по семантике лингвистический знак, анализ которого «позволит не только определить сферу действия словообразовательных процессов, но и выявить, что в нем обозначается, что привлекает внимание носителей языка (т.е. тем самым выявить принципы номинации основных понятий языковой картины мира)» [3, с. 14]. В нашей статье рассматривается одна из структурно-семантических групп производных слов – собирательные имена существительные. Эти слова особым образом интерпретируют семантику категории количества: собирательное имя называет «совокупность лиц, предметов, мыслимых как собирательное единство, как одно неделимое целое» [4, с. 156]. Семантический комплекс собирательности, генетически связанный как с грамматическим противопоставлением *единственного / множественного* числа, так и с лексико-грамматической оппозицией *единичности / собирательности* [6, с. 248-249], неодинаково реализовывался в различных функциональных подсистемах русского языка. Особенно интересный материал для сравнения дают территориальные диалекты, в которых категория собирательности развита значительно сильнее, чем в литературном языке. Здесь специфичен круг производящих основ, состав средств словообразования и характер их присоединения к производящим основам в различных русских говорах; интересны также частные значения, сопровождающие значение собирательности в семантической структуре слова. Все эти явления уже рассматривались в диалектологических исследованиях различной проблематики [1]. В нашей работе на материале лексики «Словаря вологодских говоров» решается особая задача: определить, в какой мере производные собирательные

существительные способны эксплицировать различные составляющие языковой картины мира севернорусского крестьянина.

Круг производящих основ диалектного словообразования собирательных существительных уже определяет круг значимых объектов, для которых в сознании носителя говора важна собирательная количественность. В первую очередь, это наименования человека. В отличие от литературного языка, где актуализируются принадлежность к профессии (*солдате, офицерство, директорат и т. д.*), к социальным классам (*аристократия, интеллигенция и т. д.*), к манере поведения (*хамье, хулиганье*), в диалектах наиболее активна мотивация, связанная с родством или приобретением родства (*деверье, заглавье, посторонница, прибор, приборена, родня, родняк, родина, сродня, родняне*), а также с именованьем детей (*галайда, малета, малоросье, малытьё, мальё, мелузга, селёда*) и молодых людей, не состоящих в браке (*молодежник, молодяга, молодяжка, молодяжник, локасьё, холостяжь*). Это можно объяснить тем, что для сельских жителей сохранение даже отдаленных степеней родства и его приобретение составляло особую ценность. «Как говорится, седьмая вода на девятом киселе, а все равно знают друг друга и ходят верст за пятнадцать-двадцать. Практически большая или маленькая родня имела если не в каждой деревне, то в каждой волости» [2, с. 123]. Активное же образование собирательных названий детей и молодёжи отчасти можно мотивировать тем, что здесь в меньшей степени была актуальна половая дифференциация людей, чем, например, для взрослых, достигших половой зрелости, вступающих или вступающих в брак.

Среди собирательных существительных, называющих явления природы, обращают на себя внимание названия деревьев, растущих вместе, их составных частей и предметов, изготавливаемых из дерева определенной породы или из какой-либо его части. Поэтому для севернорусского крестьянина деревья, растущие вместе, составляли особую ценность. Об этом свидетельствуют многообразие производящих основ собирательных существительных данной группы и их семантическая разноплановость. Если сравнивать эту группу с соотносительными словами в литературном языке, то приходится констатировать в нем ее существенную инвентарную и семантическую скудность. В диалектном словообразовании собирательных существительных актуализируется целая система признаков обозначаемых объектов. Во-первых, для вологодского крестьянина было важно представить **породу** деревьев, растущих вместе (наиболее значимым противопоставлением, как нам кажется, будет именование пород деревьев старых хвойных лесов (*изосняк, лаповица, тихтяк, сосняг*) и зарослей ивы (*ивняк, шльняг*) или ольхи (*евшанник, елховник, лоншак, олешняк, олешняг, ольшаник*) на вырубках, а также название пород деревьев, более редких в северных краях: *березник* 'березовая роща', *глушняга* 'березовая роща, в которой растут березы определенного вида (*глушина*)', *дубье* 'дубы' и др.). Во-вторых, важную роль играют характеристика леса **по месту произрастания**, существенно влияющая на его потребительские качества (*болотняк* 'лес, растущий на болоте' – как правило, слабый, гнилой, непрочный; *боровина, бортина* 'лес, растущий на возвышенном месте – наоборот, отличающийся высоким качеством'); **качественные признаки** деревьев, определяющие возможность или невозможность употребления его для строительных работ (*пресняк, преснина, мяндак* 'молодые деревья с неокрепшей, неплотной непрочной древесиной' – ср.: *ровняк* 'стройные, прямые деревья одинаковой высоты', *конда* 'сосновый строительный лес высокого качества'); **производственное назначение** леса (*оглобельник* 'молодой лес,

пригодный для изготовления оглобель', *палочник* 'молодой лес, который обычно рубят на жерди, палки', *скальник* 'березовый лес (откуда приносили скалы 'берёсту' для изготовления домашней утвари)'; *дровяник* 'участок нестроевого леса, вырубаемого на дрова' и др.); а также обозначение большого густого дремучего леса (*сузёмье, раменье, ропость*), представляющего определённую опасность как «чужое» пространство («В раменье медведь-то и жил, пока его не уббили», «Сузем – непролазной лес, старой, что к меду дыра» [СВГ, 9, с. 25; 10, с. 154]). Все сказанное свидетельствует о ценностном отношении вологодского крестьянина к дереву, к лесу: это взгляд хозяина, строителя, человека, который обрабатывает лес, питается лесной пищей и отапливает свой дом древесным топливом. Интересно в связи с этим то, что в качестве производящих основ для наименования совокупности деревьев по их потребительским качествам в вологодских говорах нередко субстратные основы карельско-вепской этимологии: *мянда* 'сосна // молодое, неокрепшее дерево // редкослойная, не смолистая сосна // лес плохого качества, непригодный для строительства // неплотный, рыхлый слой древесины, расположенный непосредственно под корой' [СВГ, 5, с. 16] – ср.: фин. *mänty*, вепск. *mänd* 'сосна', *райда* 'ива' [СВГ, 9, с. 24] – ср.: вепск. *raid*, фин. *raita* 'ива', *конда* 'сосновый строительный лес высокого качества' [СВГ, 3, с. 96] – ср.: *конда* 'возвышенность', вепск. *kondu* 'земельный надел, угодье' [5, с. 92-100; 111-112]. Такие параллели свидетельствуют о том, что маркируемые подобными основами признаки входят в число основополагающих, наиболее значимых для жизни людей данной местности.

Самую многочисленную группу среди производных собирательных существительных в подгруппе «Животный мир» составляют наименования совокупности рыб (*карасьё, малява, меево, малявина, мулява, налимыё, озерина, халюзьё, пентява, пескарё, сорожняк, трупник (налимы)* и др.). Это можно объяснить двумя причинами. Во-первых, одним из основных промыслов вологодского крестьянина было рыболовство, поэтому обозначение рыб той или иной породы составляло определённую ценность. Во-вторых, по сравнению с крупными животными и птицами, обладающими индивидуальными признаками (*медвежье, мериньё, тетеревьё*), рыбы, так же, как, например, насекомые (*клоповьё, комарьё, живчик (мошкара), мошкота, муга, муляга, паутьё* и др.), мыслимые как нерасчленённое множество, «растворяются в массе», поэтому для обозначения этой массы активно образуются собирательные существительные.

И, наконец, как средство экспликации значимых объектов и их отношений в картине мира сельского жителя следует рассмотреть группу собирательных существительных, называющих предметы неживой природы, связанные с бытовой деятельностью, повседневной жизнью человека. Здесь обращают на себя внимание многочисленные наименования старой, ветхой одежды: *буньё, ветошь, гуньё, дрянё, литаньё, лепестеньё, лопотьё, лопотина, лотоно, лотоньё, ремоньё, реньё, ротаньё, рибуша, рахмотьё, отретьё, охломотьё, треньё, трунинина, тряхомудьё, тряпитеньё, труньё, трунина, хламудьё, худьё, суколотьё*. Причем семантика этих слов достаточно часто развивается по определенной модели: старая, ветхая, изношенная одежда («Не накидай, паре, этого платья: на труньё неходит») > одежда вообще («Трунья-то всякого много, а носить-то некуда») > негодные старые вещи, рухлядь («Все вещи ненужные на мосту выкинули у меня и говорят: Вот, бабка, тебе! Ты хоть теперь это труньё тут не валяй!») > какие-либо вещи, предметы («Разложил тут всё своё труньё, сидит прямо

на проходе – не пройди!») [СВГ, 11, с. 65]. В подобных случаях можно говорить об актуальности сниженной оценки данных предметов в речи сельских жителей. На фоне весьма разнообразных видовых наименований мужской и женской одежды, у которых отсутствует отрицательная коннотация, наименование различных предметов одежды или одежды вообще в речи диалектоносителей могло сопровождаться их ситуативной пренебрежительной оценкой (ср.: разг. *тряпки*).

Выводы. Таким образом, анализ собирательной лексики вологодских говоров позволяет выявить основные доминанты в системе ценностей севернорусского крестьянина. Эти ценности определяются местом его обитания, родом занятий, характером отношений с родственниками и односельчанами – иначе говоря, культурными, психологическими и бытовыми стереотипами.

Список литературы

1. Азарх Ю. С. Русское именное диалектное словообразование в лингвогеографическом аспекте. – М.: Наука, 2000. – 178 с.
2. Белов В. И. Избранные произведения: В 3-х т. – Т.3 Лад: Очерки о народной эстетике; Пьесы. – М.: Современник, 1998. – 478 с.
3. Вендина Т. И. Лексический атлас русских народных говоров и языковая картина мира русского народа. // Лексический атлас русских народных говоров. Материалы и исследования 1995. – СПб., 1998. – С. 11 – 18.
4. Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – 616 с.
5. Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. – СПб: Наука, 2003. – 230 с.
6. Панфилов В. З. Философские проблемы языкознания. Гносеологические аспекты. – М.: Наука, 1977. – 287 с.
7. Словарь вологодских говоров. Вып. 1 – 11. Вологда, 1983 – 2005 (СВГ)

Крилова А. Б. ЗБІРНІ ІМЕННИКИ У ВОЛОГОДСЬКИХ ГОВІРКАХ ЯК ЗАСІБ ЕКСПЛІКАЦІЇ МОВНОЇ КАРТИНИ СВІТУ ПІВНІЧНОРОСІЙСЬКОГО СЕЛЯНИНА

Стаття присвячена розгляду семантико-словотвірних особливостей збірних іменників як засоба експлікації мовної картини світу північноросійського селянина.

Ключові слова: картина світу, словотвірна семантика, категорія збірності, і російська діалектологія

Krilova A.V. THE COLLECTIVE NOUNS OF VOLOGDA DIALECTS AS THE EXPLICATION THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD OF NORTH RUSSIAN PEASANT

The author investigates word-formative semantic of collective nouns as the meaning of explication the linguistic picture of the world.

Key words: the linguistic picture of the world, word-formative semantic, collective nouns

Поступила в редакцію 31.01.2007 г.